

DOI: 10.24290/1029-3736-2026-32-2-31-48

«РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ» КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА: К 195-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

С.В. Перевезенцев, докт. ист. наук, проф., проф. кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991*

Статья посвящена рассказу о биографии и творческом наследии крупнейшего русского мыслителя, одного из создателей «русского консерватизма» Константина Николаевича Леонтьева. В статье раскрывается сложный жизненный путь К.Н. Леонтьева, приводятся основные биографические данные, рассказывается об основном круге общения мыслителя, о жизненных причинах, повлиявших на формирование его мировоззрения. Кроме того, проводится подробный анализ учения К.Н. Леонтьева, раскрывается смысл цивилизационного подхода, одним из создателей которого был русский мыслитель, показывается, каким Леонтьев видел настоящее и будущее России и всего человечества. Проведенный в статье анализ позволяет сделать вывод о том, что «русский консерватизм» К.Н. Леонтьева предложил человечеству не возвращение в прошлое, но прорыв в будущее. Именно поэтому в дальнейшем цивилизационный подход был по-своему развит в трудах многих отечественных и зарубежных мыслителей. Статья приурочена к 195-летию со дня рождения К.Н. Леонтьева.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев, консерватизм, русский консерватизм, цивилизационный подход, духовно-политическая мысль, Россия.

«RUSSIAN CONSERVATISM» BY KONSTANTIN LEONTIEV: ON THE 195TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH

Perevezentsev Sergey V., Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Lomonosovskiy prospect, 27, korp. 4, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: serp1380@yandex.ru

The article is devoted to the study of the creative heritage and biographical materials of the greatest Russian thinker, one of the creators of «Russian conservatism» Konstantin Nikolaevich Leontiev. The article reveals the difficult life path of K.N. Leontiev,

* **Перевезенцев Сергей Вячеславович**, e-mail: serp1380@yandex.ru

provides basic biographical information, tells about the main circle of communication of the thinker, about the reasons for his life. Influenced the formation of his worldview. In addition, a detailed analysis of the teachings of K.N. is carried out. The author reveals the meaning of the civilizational approach, one of the creators of which was a Russian thinker, and shows how Leontiev saw the present and future of Russia and all mankind. The analysis conducted in the article allows us to conclude that K.N. Leontiev's «Russian conservatism» offered humanity not a return to the past, but a breakthrough into the future. That is why the civilizational approach was further developed in its own way in the works of many Russian and foreign thinkers. The article is dedicated to the 195th anniversary of K.N. Leontiev's birth.

Key words: K.N. Leontiev, conservatism, Russian conservatism, civilizational approach, spiritual and political thought, Russia.

Удивительно, но при жизни его преследовала почти полная безвестность. Лишь в начале XX столетия, спустя уже некоторое время после его кончины, о нем вспомнили, стали читать, критиковать, но и почитать. Однако революционный XX в., казалось, окончательно сбросил в Лету забвения и его самого, и его учение. И вдруг на рубеже XX–XXI вв., когда Россия избавилась от революционной горячки, когда вновь понадобилось понять себя во времени и пространстве, его труды, его мысли, его интеллектуальные пророчества вновь оказались нужны нам, сегодняшним, и нам, будущим.

Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891). Великий русский мыслитель. Классик русского консерватизма.

Константин Николаевич Леонтьев родился 13 января 1831 г. в родовом поместье с. Кудинове Мещовского уезда Калужской губернии в небогатой дворянской семье, и оказался седьмым, самым младшим из детей. Своего отца, Николая Борисовича, он помнил плохо — отец умер, когда юному Косте исполнилось восемь лет. Зато огромное влияние на взросление Константина Николаевича оказала его мать, Федосья Петровна, в девичестве Карабанова. Возможно, под влиянием матери, уже в малые годы Константин Николаевич отличался эмоциональным, чувственным восприятием жизни, порывистой, но неизбывной тягой к красоте. Так, через чувственное восприятие красоты, еще в детском сердце зародилось отличительное качество всего будущего творчества Леонтьева — «эстетизм». Именно этим понятием позднее знатоки творческих поисков Константина Николаевича охарактеризуют данное качество.

Видимо, именно Федосья Петровна внесла в душу своего сына и любовь ко Христу. Еще ребенком, побывав как-то в Оптиной Пустыни, Константин заявил матери: «Вы меня больше сюда не возите,

а то я непременно тут останусь»¹. Впрочем, модные либерально-демократические веяния не обошли стороной и его. Оказавшись в 1849 г., после окончания гимназии и недолгого пребывания в Ярославском Демидовском лицее, студентом медицинского факультета Императорского Московского университета, юный Леонтьев постепенно к вере охладел, но увлекся естественнонаучными занятиями, медициной, физиологией. Позднее, вспоминая эту пору своей жизни, он именовал ее «мечтательной, тщеславной и отвратительно-страдальческой». А по поводу своих политических предпочтений в эти годы, Константин Николаевич иронически писал: «Я смолodu имел глупость тоже либеральничать (вполне искренно, и это-то и глупо)!»².

В 1851 г., после знакомства с И.С. Тургеневым, Леонтьев захватывает увлечение литературной деятельностью, он мечтает стать знаменитым писателем. Еще в студенческую пору, в 1854 г., в газете «Московские ведомости» была опубликована его первая повесть «Благодарность». В последующие годы Константин Николаевич написал еще несколько повестей и романов («Подлипки», «В своем краю», «Одиссей Полихрониадес», «Две избранницы», «Египетский голубь»), однако большой литературной славы не снискал.

Когда началась Крымская война, Леонтьев, досрочно окончив курс, в 1854 г. поступил на военную службу батальонным лекарем при 65-м Донском казачьем полку. Выйдя в отставку 1857 г., он поначалу устраивается в нижегородском имении барона Д.Г. Розена домашним доктором. Затем возвращается в Петербург, где в 1863 г. поступает на дипломатическую службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Служит в Адрианополе и Белграде, затем вице-консулом в Тульче, Янине, наконец, консулом в Салониках. Здесь он близко знакомится со жизнью славяно-греческого православного мира. И, нужно сказать, это знакомство вылилось в весьма критическое отношение Леонтьева к братьям по вере.

В 1871 г. Константин Николаевич тяжело заболел. Без надежды на излечение традиционными медицинскими методами, он обращается... к молитве. И по молитвам Пресвятой Богородицы чудесным образом от недуга излечился. После этого Константин Николаевич вполне чувственным образом вновь, как в детстве, обретает искреннюю веру во Христа, и дает обет принять монашество. Тогда же он обретает первый опыт монастырской жизни: в 1871–1872 гг. пре-

¹ Леонтьев К.Н. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. М.; СПб., 1913. С. 27.

² Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба: Автобиография // Литературное наследство. Т. 22–24. М., 1935. С. 462.

бывает на Афоне в русском Пантелеймоновском монастыре. Однако его просьбы о пострижении в монахи монастырское начальство отклонило. Леонтьев покидает монастырь и поселяется недалеко от Константинополя. Здесь, в 1873 г., находясь под впечатлением от знакомства во славяно-греческом мире, а также в результате размышлений над сочинениями славянофилов и книгой Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», Константин Николаевич пишет книгу «Византизм и славянство» (опубликована в 1875 г.), ставшую своеобразным манифестом его философских и социально-политических идей. «Одним словом, все главное мною сделано после 1872–1873, т.е. после поездки на Афон и после страстного обращения к личному православию... Личная вера почему-то вдруг dokonчила в 40 лет и политическое, и художественное воспитание мое», — так Леонтьев охарактеризовал этот отрезок своей жизни³. Поэтому можно вполне ответственно утверждать, что в этот заключительный отрезок жизненного пути Леонтьев окончательно формулирует свои философско-политические воззрения.

Вернувшись в Россию в 1874 г., К.Н. Леонтьев начал активно печататься, высказывая в публицистических и литературно-критических статьях весьма резкие суждения не только о различных либеральных и революционных идеях, но и, как ему кажется, о недостаточно консервативных убеждениях собственных идейных союзников. Спустя десять лет К.Н. Леонтьев собрал свои наиболее значительные статьи в отдельный сборник, который и был напечатан в 1885–1886 гг. в двух томах под названием «Восток, Россия и славянство».

В январе-апреле 1880 г. Леонтьев был помощником редактора газеты «Варшавский дневник», в которой публиковал свои работы, а в 1880–1887 гг. занимал пост цензора московского цензурного комитета.

Выйдя в отставку, К.Н. Леонтьев поселился в Оптиной пустыни. В этот период он продолжает работу над публицистическими и литературно-критическими статьями («Племенная политика как орудие всемирной революции», «Плоды национальных движений на православном Востоке», «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» и др.). Однако, несмотря на все старания, Леонтьева упорно не хотели слышать не только его прямые идейные оппоненты, но даже идейные союзники по консервативному лагерю.

³ См.: Коноплянцев А.М. Жизнь К.Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. СПб., 1911. С. 77.

Отсюда — широко распространенное мнение о «духовном одиночестве» мыслителя.

Зато поддержку и понимание Леонтьев нашел в лице влиятельных фигур консервативного лагеря, близкого к правительственным кругам, в частности, у издателей консервативных газет князя В.П. Мещерского («Гражданин») и Н.Н. Дурново («Восток»). Отдельно стоит сказать о многолетней дружбе К.Н. Леонтьева с сенатором, действительным тайным советником Тertiем Ивановичем Филипповым (1826–1899), занимавшим высокий пост Государственного контролера, главы ведомства Государственного контроля Российской империи, осуществлявшего контрольно-счетные и наблюдательные функции за приходом, расходом и хранением капиталов государственного бюджета, а также бюджетов всех министерств и ведомств. Тertiий Иванович был искренне верующим православным христианином, более того, глубоко воцерковленным человеком. В своей государственной деятельности, по наблюдениям недоброжелателей, «проявлял русское национальное направление». Всю свою жизнь он собирал русские народные песни, по его инициативе и под его председательством при отделе этнографии Русского географического общества была создана песенная комиссия, а возглавив Государственный контроль, Филиппов за счет средств своего учреждения материально помогал русским композиторам и музыкантам. Тertiий Иванович высоко почитал и ценил Константина Николаевича Леонтьева, и вполне закономерно, что именно ему Леонтьев посвятил первый том своего сборника «Восток, Россия и славянство».

В последние годы жизни вокруг К.Н. Леонтьева сложился небольшой кружок учеников и почитателей, среди них были будущие известные деятели русского консервативного направления Л.А. Тихомиров, В.А. Грингмут, Ю.Н. Говоруха-Отрок, священник Иосиф Фудель и другие.

23 августа 1891 г. Константин Николаевич Леонтьев наконец исполнил свой обет, принял тайный постриг под именем Климента. Затем, по благословению старца Амвросия Оптинского, он переехал в Сергиев Посад для поступления в Троице-Сергиеву Лавру, но вскоре, 12 ноября 1891 г., скончался. Похоронен он был в Гефсиманском скиту недалеко от Троице-Сергиевой Лавры. В советское время могилу К.Н. Леонтьева разорили, а о самом мыслителе надолго забыли. Только в конце 1991 г., к годовщине памяти Константина Николаевича, усилиями почитателей таланта мыслителя, его могила была восстановлена.

Учение К.Н. Леонтьева оказалось не понято и не принято большинством современников, ведь леонтьевский консерватизм оказался кардинально противоположен в идейном отношении либерализму и социализму, моднейшим направлениям конца XIX — начала XX в. Потому совсем неслучайно уже через год после кончины мыслителя, либеральный философ С.Н. Трубецкой в специальной статье о Леонтьеве под ироническим названием «Разочарованный славянофил» охарактеризовал идеи Леонтьева, как «безнадежную... программу... запруд и плотин... реакционных паллиативов», усматривая в ней лишь «обскурантизм и крепостничество»⁴. В дальнейшем эта либеральная оценка переключалась в советскую и даже, частично, в постсоветскую социогуманитарную науку⁵. Однако еще 1894 г. Л.А. Тихомиров аргументированно опроверг мнение С.Н. Трубецкого, в частности, и сам либеральный подход к оценке творчества К.Н. Леонтьева, в целом, вполне ответственно и доказательно заявив, что Леонтьев «не мог, по идеалам своим требовать *застоя*, потому что он сам признавал никуда не годным то место, на котором мы стоим... Он, по существу, звал к будущему, к “прогрессу” того типа, который мы получили от рождения. Никакой “реакции”, никакого “ретро-градства” тут быть не может... Леонтьев скорее напоминает якобинца 1793 г., чем гр. Аракчеева»⁶. Многочисленные исследования творчества К.Н. Леонтьева, вышедшие в последние десятилетия, только подтвердили это утверждение Л.А. Тихомирова, намного углубили и расширили наше понимание учения великого русского мыслителя⁷.

⁴ См.: *Трубецкой С.Н. Разочарованный славянофил* // Константин Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. СПб., 1995. С. 138, 147, 153. См. также: *Милюков П.Н. Разложение славянофильства* М., 1893.

⁵ См. напр.: История философии в СССР. Т. 3. М., 1968. С. 340; *Гальцева Р.А., Роднянская И.Б.* Раскол в консерваторах (Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, И.С. Аксаков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев в споре об общественном идеале) // Неоконсерватизм в странах Запада. Ч. 2. М., 1982. С. 248; *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. М., 1986. С. 110, 181; *Бажов С.И.* Некоторые аспекты проблемы культурно-исторического самоопределения России в творчестве К.Н. Леонтьева // Актуальные проблемы русской философии XIX в. М., 1987. С. 146; *Русский консерватизм XIX столетия*. М., 2000. С. 268, 295, 353.

⁶ *Тихомиров Л.А.* Русские идеалы и К. Н. Леонтьев // Литературная учеба. 1992. № 1–3. С. 158.

⁷ *Корольков А.А.* Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991; *Сивак А.Ф.* Константин Леонтьев. Л., 1991; *Репников А.В.* Оценка социалистической перспективы в работах К.Н. Леонтьева // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Ярославль, 1995. С. 103–107; *Репников А.В.* «Эстетический аморализм» в произведениях К.Н. Леонтьева. М., 1999; *Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняниц А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века:

В чем состоит своеобразие философско-политической концепции К.Н. Леонтьева? Для ответа на этот вопрос, можно выделить несколько основных характерных черт его учения.

Прежде всего, нужно сказать о той теории в социогуманитарной науке, которая получила именование «цивилизационного подхода». Цивилизационный подход представляет собой одно из тех явлений мировой общественной мысли, которым может и должна гордиться Россия, ибо разработана эта теория была великими русскими мыслителями-консерваторами, а одним из отцов-основателей этой теории, наряду с Николаем Яковлевичем Данилевским (1822–1885), был Константин Николаевич Леонтьев.

Что это такое — «цивилизационный подход»? «Цивилизация» — одно из самых загадочных понятий в социально-гуманитарных науках. Своим происхождением это понятие обязано древнеримской культуре и латинскому языку, в котором было слово «civilis», имеющее несколько значений, в том числе такие значения, как «гражданский», «государственный», «городской», что, в свою очередь, образовано от «civis» — гражданин. Одновременно в смысл формы «civil» входила и идея об особом предназначении римского народа и Рима, как высшей ценности, служить которому было долгом всякого римского гражданина.

В своем современном звучании слово цивилизация (фр. *civilisation*) вновь появилось в западноевропейских языках в Эпоху Просвещения в конце XVIII в. Поначалу это слово имело только юридическое значение и применялось в судебных процессах, но уже вскоре стало использоваться в различных исторических и политических сочинениях как социокультурный термин, характеризующий определенную стадию культурного развития человечества, наступающую после периода т. н. «дикости» и «варварства». Принято считать, что одним из первых слово «цивилизация» в этом значении встречается в сочинениях французского политика и публициста, маркиза Виктора-Рикетти де Мирабо (1715–1789) «Друг человечества, или Трактат о народе» (1756 г.) и «Друг женщин, или Трактат о цивилизации» (вероятная дата — 1768 г.)⁸.

Нужно отметить, что уже в античные времена значение слова «civilis» было близко связано со спецификой мировосприятия древ-

К.Н. Леонтьев. М., 2008; Емельянов-Лукьянчиков М.А. Иерархия радуги: русская цивилизация в наследии К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского, О.А. Шпенглера, А.Дж. Тойнби. М., 2008; Емельянов-Лукьянчиков М.А. Распятая радуга. Россия и Европа на пути к Апокалипсису. М., 2015 и др.

⁸ См. об этом подробнее: Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1. М., 2002. С. 112–113.

них греков и римлян, считавших свои культуры центрами мироздания, а иные народы и культуры — «варварскими», т.е. недостаточно развитыми, что порождало презрительное отношение «цивилизованных» греков и римлян к соседям-«варварам». В V в. до н.э. древнегреческий поэт Еврипид в трагедии «Ифигения в Авлиде» точно выразил эту мысль: «Прилично властвовать над варварами грекам». Спустя почти сто лет, в IV в. до н.э. Аристотель, комментируя слова Еврипида в своем трактате «Политика», высказался еще более ясно: «Варвар и раб по природе своей понятия тождественные»⁹.

Надо признаться, что подобное мироощущение свойственно многим народам, как древним, так и современным. К примеру, в древнем и средневековом Китае жители называли свою страну «Чжун-Го», т.е. «Срединной империей», расположенной между Небом и не благословенной землей, населенной дикими соседями. Да что там говорить! Иногда представители одного племени смотрели свысока на представителей другого племени, хотя оба племени говорили на одном языке и составляли единый этнос. Так, Повесть временных лет свидетельствует, что летописец, живший в Киеве среди полян, крайне высокомерно отзывался о своих соседях-древлянах, заявляя, что древляне, в отличие от «культурных» полян, живут «зверьскимъ образомъ», «скотьскы»¹⁰. При этом вовсе не значит, что соседи древних греков, римлян, китайцев или полян и в самом деле были «дикими» и «варварскими», просто чаще всего у них было иное устройство жизни, иная организация общества и, более того, чаще всего они сами считали своих соседей «варварами».

Преодолеть подобное мироощущение впервые предложило две с лишним тысячи лет назад христианское религиозное учение, ведь последователи Спасителя Иисуса Христа, в отличие от античных политиков и мыслителей, проповедовали полное равенство всех людей и народов перед Господом. Поэтому всякий человек, независимо от его традиционной религиозности, этнического происхождения и социального положения в обществе может обратиться в христианство. Как писал апостол Павел в Послании колоссянам: «Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3:11). Нужно сказать, что во многом именно этот факт сыграл значительную роль в том, что христианство столь быстро распространилось среди разных народов.

⁹ Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М., 1983. С. 377.

¹⁰ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 70.

Но, к сожалению, на протяжении всей многотысячелетней истории человеческого сообщества ощущение собственного религиозного, этнического или культурного превосходства часто встречалось и встречается до сих пор у разных народов или у части представителей этих народов. И уже в XVIII–XIX вв. подобное мироощущение западноевропейских интеллектуалов стало источником формирования так называемой **линейно-стадиальной концепции исторического развития человечества**, согласно которой, все народы мира должны двигаться по одной и той же траектории исторического развития, а эталоном развития являются народы Западной Европы, которые, как наиболее «цивилизованные», имеют право не просто определять генеральную линию развития всего человечества, но диктовать всем остальным народам правила их бытия, как «недостаточно цивилизованным», а то и «варварским».

Еще во второй половине XIX столетия сначала Н.Я. Данилевский, а вслед за ним К.Н. Леонтьев произвели кардинальный пересмотр представлений и об этапах развития человеческого сообщества, и о содержании понятия «цивилизация», и сформулировали основные принципы так называемого **цивилизационного подхода**. Они доказали, исторически и философски обосновали положение о том, что человечество не имеет общей и единой истории, более того, не может считаться некой единой цивилизацией. С их точки зрения, в истории человечества одновременно существуют различные цивилизации (Н.Я. Данилевский называл их «культурно-историческими типами»). При этом каждая цивилизация проходит три этапа развития: детство, зрелость и дряхлость. Всего Данилевский выделил в истории пятнадцать «культурно-исторических типов»: египетский, китайский, ассирийский, вавилоно-финикийский, халдейский (древнесемитический), индийский, иранский, еврейский (Израиль и Иудея), греческий, римский, арабийский (новосемитический), германо-романский (европейский), американский (Мексика), перуанский, славянский (формирующийся)¹¹.

Россию и Западную Европу оба мыслителя считали разными цивилизациями, поэтому Россия, как более молодая цивилизация, должна развиваться самостоятельно, по собственным правилам. Более того, Европа всегда и обязательно будет рассматривать Россию как своего главного врага. Как утверждал Н.Я. Данилевский,

¹¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2008. С. 109–111.

«антагонизм Европы и России, основанный на славянстве России, не только сохранится по-прежнему, но будет все возрастать и возрастать, по мере возрастания внутренних сил России»¹².

К.Н. Леонтьев занимал еще более жесткую позицию. В своем сочинении «Византизм и славянство» Леонтьев утверждал, что мир в целом является совокупностью разнообразных народов и культур, и для своего процветания мир обязан сохранять это разнообразие. Леонтьев в целом был согласен с Данилевским в отношении числа различных культурно-исторических типов, но добавлял еще два типа: лидийский и византийский. При этом сам Константин Николаевич особо внимательно относился к Византии, указывая на высокий уровень разных ее составляющих. Одновременно, в отличие от Данилевского, Леонтьев крайне критически относился к возможности создания Славянской цивилизации, настаивая на том, что Россия представляет собой отдельную и от Запада, и от славянства цивилизацию, являясь единственной наследницей уже погибшей Византии. Поэтому Леонтьев отстаивал необходимость сохранения своеобразия России, которая должна противопоставить Европе (в том числе славянской Европе) свою культуру, основанную на православии и византийских политических принципах («византизме»).

Родоначальники цивилизационного подхода считали, что все цивилизации имели некие общие признаки, которые, собственно говоря, и позволяли считать их цивилизациями. Так, Н.Я. Данилевский выделял четыре основных признака («разряда») цивилизации («культурно-исторического типа»): деятельность религиозная, собственно культурная (наука, искусство, промышленность), политическая и социально-экономическая. Иначе говоря, высший этап развития какого-либо культурно-исторического типа определялся по наличию в этом типе самостоятельных и развитых до своих высших форм религии, культуры, государства и экономики. К.Н. Леонтьев в этом вопросе в целом соглашался с Н.Я. Данилевским, но не считал уровень экономического развития показателем цивилизованности того или иного общества, поэтому определял три основных признака цивилизации: религия, государство и культура (в широком смысле).

К.Н. Леонтьев, опять же в отличие от Н.Я. Данилевского, по своему выделял три стадии в развитии каждой цивилизации: 1) первоначальная простота; 2) цветущая сложность; 3) вторичное

¹² Данилевский Н.Я. Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890. С. 175.

смесительное упрощение. В отношении этапов развития всякой цивилизации К.Н. Леонтьев писал: «Все вначале просто, потом сложно, потом вторично упрощается, сперва уравниваясь и смешиваясь внутренне, а потом ещё более упрощаясь отпадением частей и общим разложением, до перехода в неорганическую “Нирвану”. При дальнейшем размышлении мы видим, что этот триединый процесс свойствен не только тому миру, который зовется собственно органическим, но, может быть, и всему существующему в пространстве и времени. Может быть, он свойствен и небесным телам, и истории развития их минеральной коры, и характерам человеческим; он ясен в ходе развития искусств, школ живописи, музыкальных и архитектурных стилей, в философских системах, в истории религий и, наконец, в жизни племен, государственных организмов и целых культурных миров»¹³.

При этом, Леонтьев, как и Данилевский, вовсе не отрицал прогресса как такового. Во-первых, он отвергал идею единого общечеловеческого прогресса, где за общечеловеческое выдавалось только европейское, но доказывал возможность прогресса каждой цивилизации на основе собственной исторической традиции. Во-вторых, он иначе понимал само явление прогресса, который может вести не только к «постепенному восхождению от простейшего к сложнейшему», но и к унификации, а, значит, к упрощению и умиранию. А ведь попытка доказать, что все народы должны жить по одним и тем же правилам и законам и есть та самая унификация, т.е. попытка упрощения многообразия человеческого мира. По сути дела, русские мыслители-консерваторы предложили человечеству не возвращение в прошлое, в чем их частенько обвиняют, но прорыв в будущее. И не случайно в дальнейшем цивилизационный подход был по-своему развит в трудах многих отечественных и зарубежных мыслителей (О.А. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Броделя, С. Хантингтона, А.С. Панарина и др.).

Но главное отличие концепции К.Н. Леонтьева от теории Н.Я. Данилевского состоит в том, что концепция Леонтьева определяется его эстетическим мировоззрением. Как отмечают современные исследователи, «эстетика приобретает для Леонтьева метафизический смысл и становится главным критерием, с помощью которого он оценивает все сущее»¹⁴. Признание видимой эстетики в жизни, придает консервативному учению К.Н. Леонтьева творче-

¹³ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 1876. С. 72.

¹⁴ См.: Столярова И.Ф. «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2023. С. 11.

ский характер, а сам «творческий консерватизм» Леонтьева представляет собой «оригинальную социально-политическую программу, в основу которой положена задача пробуждения, сохранения и приумножения творческого потенциала русского народа, создающего и развивающего эстетику во всех сферах своей деятельности («эстетику жизни»)»¹⁵.

Русский народ, в понимании К.Н. Леонтьева — это основной творец и хранитель «эстетики жизни» и национального своеобразия России. Поэтому русскому народу необходимо стремиться к возрождению национального народного творчества, независимого от внешних образцов, и встать во главе умственной жизни всего человечества. Государство в этом случае должно использовать умеренные «прогрессивно-хранительные» меры, которые, во-первых, будут способствовать творческому развитию византийских начал посредством обращения к своим историческим корням, во-вторых, усилят обособленность России от Запада, наконец, и это, в-третьих, затормозят распространение в России либеральных и радикальных идей.

Леонтьев категорически не принимал идей «всечеловеческого блага» и «всеобщего равенства», будучи уверенным в том, что ни общего блага, ни равенства не существует в природе, более того, и одно, и другое полностью противоречит естественному ходу вещей. Как писал Леонтьев, «идея всечеловеческого блага, религия всеобщей пользы — самая холодная, прозаическая и вдобавок самая невероятная, неосновательная из всех религий... Общее благо, если только начать о нем думать... это самое сухое, ни к чему хорошему, даже ни к чему осязательному не ведущее отвлечение, и больше ничего»¹⁶. В свою очередь, «равенство лиц, равенство сословий, равенство (т.е. однообразие) провинций, равенство наций — это все один и тот же процесс; в сущности, все то же всеобщее равенство, всеобщая свобода, всеобщая приятная польза, всеобщее благо, всеобщая анархия, либо всеобщая мирная скука»¹⁷.

Воплощение в жизни всеобщего равенства и блага ведет к однообразию, а, значит, и к постепенному умиранию. Распространение этих идей среди западных народов означает, по мнению Леонтьева, что Запад уже вступил в третью стадию цивилизационного цикла — вторичного смесительного упрощения. Леонтьев еще надеялся, что Запад, если откажется от поклонения новомодным увлечениям,

¹⁵ Столярова И.Ф. «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева. С. 11.

¹⁶ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 1876. С. 29–30.

¹⁷ Там же. С. 30–31.

и вернется к строгости, сословности и даже деспотизму, то имеет шанс на спасение.

А что Россия? К.Н. Леонтьев считал, что Россия, пока еще находящаяся на этапе «цветущей сложности», тем не менее, тоже уже одной ногой стоит на пороге третьего, заключительного этапа своего цивилизационного бытия. Именно в этом смысле необходимо понимать слова Леонтьева, ставшие знаменитыми: «Надо *подморозить* хоть немного Россию, чтобы она не “гнила”»¹⁸. Эта леонтьевская фраза стала расхожей, и потому извращенной до своей противоположности. А о чем писал Леонтьев? Вот полное изложение этого фрагмента из статьи «Газета “Новости” о дворянском пролетариате»: «Положим, зло прежнего сословного нашего строя было причиной *нынешнего бессословного зла*. Но *старое зло ведь уничтожено* новым злом? Вред *застоя переродился в пагубу излишнего движения*. Поэтому нельзя, отыскивая искренно и серьезно лечение противу *излишнего движения*, накидываться на нечто ему совершенно противоположное... Зимой — холодно, летом — жарко; и то и другое неприятно и многим даже вредно. Как быть?... Смена подобная естественна, и реакция то туда, то сюда неизбежна; всякий знает, что за зимой — весна, а за весной — жара. Но кто в жару будет сердиться на давно прошедший холод?... Напротив, всякий живой человек всему холодноватому рад в июле. Что ж из этого следует? Следует, что уже уничтоженное историей зло России *нелиберальной* переродилось рядом событий и движением умов в зло *слишком либеральное!*... Нельзя же действовать теперь противу привилегий, которых нет; а надо, напротив того, действовать в наше время противу *равенства и либерализма*... То есть надо *подморозить* хоть немного Россию, чтобы она не “гнила”...» Иначе говоря, необходимо «подморозить», чтобы не допустить катастрофического падения России в омут упрощения и умирания...

И здесь Леонтьев выдвигает парадоксальную на первый взгляд идею «хранительного социализма», организованного на принципах строгой иерархии и деспотизма, что нашло наибольшее отражение в его статьях и письмах последних лет жизни¹⁹. Для Леонтьева социализм и коммунизм — это «новый феодализм» будущего, поскольку идея равенства противоречит человеческой природе и, как он писал в статье «Средний европеец как идеал и орудие всемирного

¹⁸ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 246.

¹⁹ См. подробнее: Сергеев С.М. Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80–90-х гг. XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002. Гл. 3.

разрушения», «коммунизм в своих буйных устремлениях к идеалу неподвижного равенства должен... привести постепенно, с одной стороны, к *меньшей подвижности капитала и собственности*, с другой — к новому юридическому *неравенству*, к новым *привилегиям*, к стеснениям личной свободы и принудительным корпоративным группам, законам, резко очерченным; вероятно даже и к новым формам личного рабства или закрепощения (хотя бы и косвенного, иначе названного)»²⁰. И развивает свою мысль в статье «Чем и как либерализм наш вреден?»: «*Быть может, явится рабство своего рода, рабство в новой форме, вероятно, — в виде жесточайшего подчинения лиц мелким и крупным общинам, а общин государству. Будет новый феодализм — феодализм общин, в разнообразные и неравноправные отношения между собой и ко власти общегосударственной поставленных*»²¹. Полностью отвергая такой социализм, Леонтьев, одновременно считал, что, к сожалению, распространение социалистических идей окончательно остановить невозможно. Поэтому социалистическое движение нужно... возглавить. Именно поэтому Леонтьев предложил идею «хранительного социализма», в котором видел возможность для русского монархического строя сохраниться и устоять в новом мире. Леонтьев был убежден, что только монархический строй способен создать в России этот новый порядок, поэтому он предлагал придать социалистическому движению государственные формы, соединив, таким образом, социализм с византизмом, и преобразовав это движение в «хранительный социализм» или даже «социалистическую монархию». «Чувство мое пророчит мне, — писал К.Н. Леонтьев, — что славянский православный царь возьмет когда-нибудь в руки социалистическое движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной. И будет этот социализм новым и суровым трояким рабством: общинам, Церкви и Царю»²².

Смог бы «хранительный социализм» сохранить Россию в периоде «цветущей сложности»? У Константина Николаевича Леонтьева нет ответа на этот вопрос. Не стоит забывать, что социализм для Леонтьева оставался врагом. Другое дело, что это был враг, у которого можно кое-что, а, возможно, и многое перенять. Но только в том случае, если в России сохранится традиционное самодержавие.

²⁰ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. С. 423.

²¹ Там же. С. 273–274.

²² Леонтьев К.Н. Избранные письма. СПб., 1993. С. 286.

В целом же, необходимо помнить, что, как отмечают исследователи, «у Леонтьева нет систематического учения о социализме, есть лишь догадки, наброски (порой гениальные), привести которые в логически строгую, непротиворечивую систему чрезвычайно трудно, если вообще возможно»²³. К сожалению, проблемы со здоровьем и смерть в 1891 г. не позволили К.Н. Леонтьеву развернуть свои размышления о социализме и «цветущей сложности» в целостную концепцию.

Идеи Константина Николаевича Леонтьева вновь возвратились к жизни в 1990-е — начале 2000-х гг. в работах немалого числа российских ученых. Сегодня консерватизм рассматривается как система взглядов, отстаивающая и охраняющая традиционный церковный, государственный и общественный порядок. При этом вполне понятно, что если говорить о «консерватизме» применительно к нашей стране, то нужно говорить о именно «русском консерватизме», с учетом его специфики, сформированной особенностями отечественного духовного, политического и социального развития. В основе «русского консерватизма» лежит не просто принцип сохранения чего-либо, но принцип сохранения жизни во всем ее многообразии, не насаждение унифицированных правил существования и мысли, но «сохранение» мира, как, если несколько перефразировать К.Н. Леонтьева, «цветущей сложности». При этом не надо бояться творческого подхода к пониманию сущности консерватизма, т.е. нельзя лишь догматически воспринимать основные положения, предложенные в работах русских мыслителей XIX–XX вв. По сути дела, перед нами сегодня стоит задача разработки нового традиционалистско-консервативного учения. Нам нужен сегодня «новый русский консерватизм», который может помочь сформулировать в теоретическом плане и сформировать в плане практическом «новый русский стиль» внутренней и внешней политики²⁴. Новое понимание традиционалистско-консервативного подхода к анализу исторического развития человека и общества позволит показать цивилизационную специфику России, сложность, многоаспектность и взаимозависимость тех социальных, духовных, религиозных, политических и экономических процессов, которые обусловили российскую государственность, а также предложить перспективный взгляд на современное состояние и будущее нашего государства и народа.

²³ Сергеев С.М. Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80–90-х гг. XIX в. С. 167–168.

²⁴ См. подробнее: *Перевезенцев С.В.* Новый русский консерватизм: очерки истории и теории. М., 2026.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 2008.
- Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М., 1983.
- Бажов С.И. Некоторые аспекты проблемы культурно-исторического самоопределения России в творчестве К.Н. Леонтьева // Актуальные проблемы русской философии XIX в. М., 1987. С. 131–150.
- Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. Раскол в консерваторах (Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, И.С. Аксаков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев в споре об общественном идеале) // Неоконсерватизм в странах Запада. Ч. 2. М., 1982. С. 227–295.
- Данилевский Н.Я. Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2008.
- Емельянов-Лукьянчиков М.А. Иерархия радуги: русская цивилизация в наследии К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского, О.А. Шпенглера, А.Дж. Тойнби. М., 2008.
- Емельянов-Лукьянчиков М.А. Распятая радуга. Россия и Европа на пути к Апокалипсису. М., 2015.
- История философии в СССР. Т. 3. М., 1968.
- Коновлянец А.М. Жизнь К.Н. Леонтьева в связи с развитием его мировоззрения // Памяти Константина Николаевича Леонтьева: Лит. сб. СПб., 1911. С. 1–141.
- Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991.
- Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 1876.
- Леонтьев К.Н. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. М., СПб., 1913.
- Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба: Автобиография // Литературное наследство. Т. 22–24. М., 1935. С. 427–496.
- Леонтьев К.Н. Избранные письма. СПб., 1993.
- Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1996.
- Милюков П.Н. Разложение славянофильства. М., 1893.
- Перевезенцев С.В. Новый русский консерватизм: очерки истории и теории. М., 2026.
- Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С.
- Репников А.В. Оценка социалистической перспективы в работах К.Н. Леонтьева // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Ярославль, 1995. С. 103–107.
- Репников А.В. «Эстетический аморализм» в произведениях К.Н. Леонтьева. М., 1999.
- Русский консерватизм XIX столетия. М., 2000.
- Сергеев С.М. Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80–90-х гг. XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002.
- Сивак А.Ф. Константин Леонтьев. Л., 1991.
- Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1. М., 2002. С. 112–113.
- Столярова И.Ф. «Творческий консерватизм» К.Н. Леонтьева. Автореферат дисс. ... канд. полит. наук. М., 2023.

Тихомиров Л.А. Русские идеалы и К.Н. Леонтьев // Литературная учеба. 1992. № 1–3. С. 152–160.

Трубецкой С.Н. Разочарованный славянофил // Константин Леонтьев: про et contra. Кн. 1. СПб., 1995. С. 123–159.

Цумбаев Н.И. Славянофильство. М., 1986.

REFERENCES

Andronov Yu. V., Mjachin A. G., Shirinyants A. A. Russkaja socialno-politicheskaja mysl XIX – nachala XX veka: K.N. Leontiev [Russian Sociopolitical Thought of the 19th – Early 20th Centuries: K.N. Leontiev]. M., 2008 (in Russian).

Aristotel. Sochinenija [Works]: v 4-ch t. T. 4. M., 1983 (in Russian).

Bazhov S. I. Nekotorye aspekty problemy kulturno-istoricheskogo samoopredelenija Rossii v tvorchestve K.N. Leontieva [Some Aspects of the Problem of Cultural and Historical Self-Determination of Russia in the Works of K.N. Leontiev] // Aktualnye problemy russkoi filosofii XIX v. M., 1987. S. 131–150 (in Russian).

Danilevskiy N. Ja. Sbornik politicheskich i ekonomicheskich statej [Collection of Political and Economic Articles]. SPb., 1890 (in Russian).

Danilevskiy N. Ja. Rossiya i Evropa. Vzglyad na kulturnye i politicheskie otnoshenija slavjanskogo mira k germano-romanskomu [Russia and Europe. A View of the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Germanic-Roman World]. M., 2008 (in Russian).

Emelianov-Luk'janchikov M. A. Ierarchija radugi: russkaja civilizacija v nasledii K.N. Leontieva, N. Ja. Danilevskogo, O. A. Spenglera, A. J. Toynbee [Hierarchy of the Rainbow: Russian Civilization in the Legacy of K. N. Leontiev, N. Ya. Danilevsky, O. A. Spengler, and A. J. Toynbee]. M., 2008 (in Russian).

Emelianov-Luk'janchikov M. A. Raspjataja raduga. Rossiya i Evropa na puti k Apokalipsisu [Crucified Rainbow. Russia and Europe on the Path to the Apocalypse]. M., 2015 (in Russian).

Galtzeva R. A., Rodnjanskaja I. B. Raskol v konservatorach (F.M. Dostoevskiy, Vl. Solov'ev, I.S. Aksakov, K.N. Leontiev, K.P. Pobedonostzev v spore ob obshchestvennom ideale) [The Split in the Conservatives (F.M. Dostoevsky, Vl. Soloviev, I.S. Aksakov, K.N. Leontiev, K.P. Pobedonostsev in the Debate on the Social Ideal)] // Neokonservatizm v stranach Zapada. Ch. 2. M., 1982. S. 227–295 (in Russian).

Itorija filosofii v SSSR [History of Philosophy in the USSR]. T. 3. M., 1968 (in Russian).

Konopljantzev A. M. Zhizny K.N. Leontieva v svjazi s razvitiem ego mirosozertzanija [The Life of K.N. Leontiev in Connection with the Development of His Worldview] // Pamjati Konstantina Nikolaevicha Leontieva. SPb., 1911. S. 1–141 (in Russian).

Korolkov A. A. Prorochestva Konstantina Leontieva [The Prophecies of Konstantin Leontiev]. SPb., 1991 (in Russian).

Leontiev K. N. Vizantizm i slavjanstvo [Byzantinism and Slavdom]. M., 1876 (in Russian).

Leontiev K. N. Sobranie sochinenij [Collected Works]: v 9 t. T. 9. M.: SPb., 1913 (in Russian).

Leontiev K.N. Moja literaturnaja sudba: Avtobiografija [My Literary Destiny: Autobiography] // Literaturnoe nasledstvo. T. 22–24. M., 1935. S. 427–496 (in Russian).

Leontiev K.N. Izbrannye pisma [Selected Letters]. SPb., 1993 (in Russian).

Leontiev K.N. Vostok, Rossija i Slavjanstvo [The East, Russia, and Slavdom]. M., 1996 (in Russian).

Milyukov P.N. Razlozhenie slavjanofilstva [The Decomposition of Slavophilism]. M., 1893 (in Russian).

Perevezentzev S.V. Noviy russkiy konservatizm: Oчерki istorii i teorii [The New Russian Conservatism: Essays on History and Theory]. M., 2026 (in Russian).

Povest vremennyh let [The Tale of Bygone Years] // Biblioteka literatury Drevney Rusi. T. 1. SPb., 1997. S. 62–315 (in Russian).

Repnikov A.V. Otzenka socialisticheskoy perspektivy v rabotah K.N. Leontieva [An Assessment of the Socialist Perspective in the Works of K.N. Leontiev] // Aktualnye problemy estestvennyh i gumanitarnykh nauk. Yaroslavl, 1995. S. 103–107 (in Russian).

Repnikov A.V. «Esteticheskiy amoralizm» v proizvedeniyah K.N. Leontieva [«Aesthetic Amoralism» in the Works of K.N. Leontiev]. M., 1999 (in Russian).

Russkiy konservatizm XIX stoletija [Russian Conservatism of the 19th Century]. M., 2000 (in Russian).

Sergeev S.M. Ideologiya tvorcheskogo traditsionalizma v russkoy obshchestvennoy mysli 80–90-h гг. XIX v. [Ideology of Creative Traditionalism in Russian Social Thought of the 1880s–1890s.]. Diss. ... kand. ist. nauk. M., 2002 (in Russian).

Sivak A.F. Konstantin Leontiev [Konstantin Leontiev]. L., 1991 (in Russian).

Starobinskiy J. Poezija i znanie: Istorija literatury i kultury [Poetry and Knowledge: History of Literature and Culture]. T. 1. M., 2002. S. 112–113 (in Russian).

Stoljarova I.F. «Tvorcheskij konservatizm» K.N. Leontieva [«Creative Conservatism» by K.N. Leontiev]. Avtoreferat diss. ... kand. polit. nauk. M., 2023 (in Russian).

Tichomirov L.A. Russkie idealy i K.N. Leontiev [Russian Ideals and K.N. Leontiev] // Literaturnaja ucheba. 1992. N 1–3. S. 152–160 (in Russian).

Trubetzkoy S.N. Razocharovanniy slavjanofil [The Disillusioned Slavophile] // Konstantin Leontiev: pro et contra. Kn. 1. SPb., 1995. S. 123–159 (in Russian).

Tzimbaev N.I. Slavjanofilstvo [Slavophilism]. M., 1986 (in Russian).